

СКАЗАНИЕ
О ПРЕПОДОБНОМЪ ТРИФОНѢ

ПЕЧЕНГСКОМЪ ЧУДОТВОРЦѢ,

ПРОСВѢТИТЕЛѢ ЛОПАРЕЙ

И

ОБЪ ОСНОВАННОЙ ИМЪ ОБИТЕЛИ.

СОСТАВИЛЪ

Н. Корольковъ.

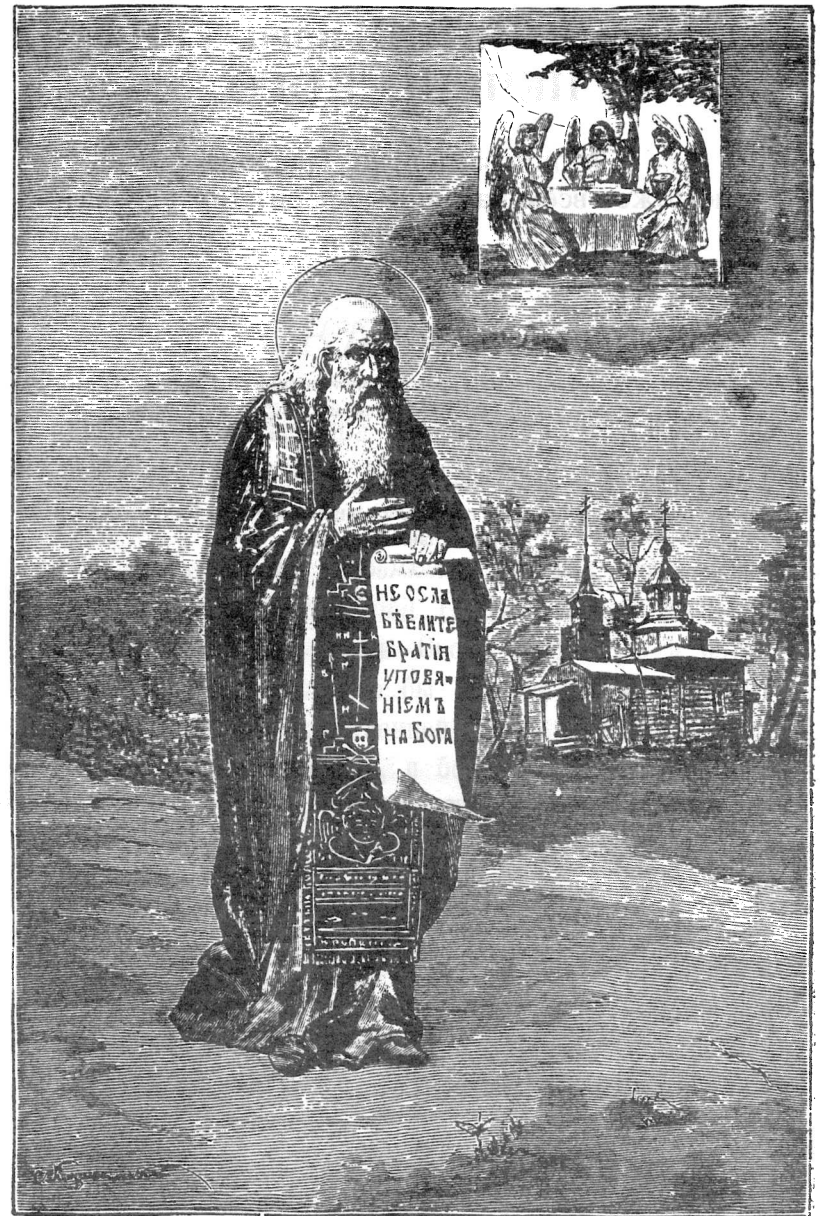
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул., д. 18.
1896.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозво-
ляется. С.-Петербургъ, 30 Апрѣля 1896 года.

Цензоръ Архимандритъ **Василій**

Издана усердіемъ благотворителей въ пользу возобновляемаго Трифопо-
Печенскаго монастыря при настоятелѣ Игуменѣ **Іонафанѣ**.

Изображеніе преподобнаго Трифона Печенскаго Чудотворца,
Просвѣтителя лопарей.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ преп. ТРИФОНА ПЕЧЕНГСКОГО

Молитвами преп. Трифона
да поможет всем нам и да укрепит Бог во Святой
Троице

перепечатано на средства прихода православной церкви св. Николая Чудотворца
г. Осло, Норвегия

Тираж 1000 экз.
передан православной общине г. Никеля в знак любви и единства чад Святой
Православной Церкви

Архимандрит Иоанн, игумен скита преп. Трифона и настоятель прихода св. Николая
г. Осло, Норвегия
февраль 1994 г.

СКАЗАНИЕ

о преподобномъ Трифонѣ Печенгскомъ чудотворцѣ, про-
свѣтителѣ лопарей и объ основанной имъ обители.

*Господь всѣмъ чловѣкомъ хоцетъ спастися и
въ разумъ истины прийти (1 Тим. 2, 4); за всѣхъ
людей пролилъ Онъ кровь Свою безцѣнную и потому
для каждаго чловѣка, кто бы онъ ни былъ, отверзаетъ
Онъ объятія Своей божественной любви. И ученому мужу,
и безграмотному простецу, и богатому вельможѣ, и по-
слѣднему нищему, и полудикому обитателю жаркихъ пу-
стынь Аравіи, и просвѣщенному греку, и жалкому кочев-
нику холодныхъ сѣверныхъ тундръ—всѣмъ открыть до-
ступъ въ царство небесное, всѣмъ проповѣдуется Еван-
геліе Христово, всѣ призываются ко спасенію. Никто не
забыть у Отца Небеснаго, и, когда настаетъ время бла-
гопотребное, Онъ посылаетъ особыхъ избранныхъ своихъ,
которые проповѣдуютъ слово спасенія сѣдющимъ во тьмѣ
и сѣни смертной.*

Такимъ избранныкомъ былъ для бѣдныхъ обитателей
нашего дальняго Сѣвера—лопарей и преподобный отецъ
нашъ Трифонъ Печенгскій чудотворецъ.

Преподобный Трифонъ, въ мѣрѣ Митрофанъ, жилъ при царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, былъ сынъ священника, города Торжка, Новгородской области. Воспитанный въ благочестіи, онъ съ дѣтства любилъ храмъ Божій, пѣлъ и читалъ тамъ, а иногда любилъ укрыться отъ людскаго взора и молиться тайно Господу Богу. Разъ въ такомъ уединеніи онъ услышалъ голосъ: „не здѣсь твое мѣсто: тебя ждетъ земля необитаемая и жаждущая“. Повинуясь сему таинственному голосу, онъ оставилъ отеческій домъ, отправился на далекій Сѣверъ и пришелъ къ берегу Сѣвернаго океана, въ *Кольскій Присудъ*, на рѣку Печенгу, въ народъ Лопарскій ¹⁾.

Подъ видомъ дѣлъ торговыхъ завязалъ онъ съ лопарями знакомство, потомъ сталъ говорить имъ о вѣрѣ. Проповѣднику Христову предстояли самые тяжкіе апостольскіе труды, среди грубыхъ идолопоклонниковъ, безъ средствъ и защиты отъ злобы язычниковъ. Лопари обожали не только злыхъ духовъ, но даже гадовъ и летучихъ мышей, поклонялись камнямъ. Преподобный Трифонъ, проживая одиноко вблизи ихъ, видя ихъ грубыя суевѣрія, тяжело скорбѣлъ о заблужденіи этихъ людей и еще болѣе воспламенился ревностью обратить ихъ ко Христу. Онъ сталъ проповѣдывать имъ Единого Истиннаго Бога, Творца неба и земли, Единого Отца и Спасителя всѣхъ людей. Жилища лопарей разсѣяны были по мѣстамъ болотистымъ, на дальнемъ разстояніи одно отъ другого; до 500 верстъ пространства въ длину и столько же почти въ ширину было въ той области, которую избралъ для апостольскаго подвига преподобный Трифонъ. Народъ, омраченный не-

¹⁾ Троицкій Листокъ. № 764.

вѣжествомъ, не легко сперва принималъ высокое христіанское ученіе. Трудно было преподобному Трифону бороться съ суевѣріями и съ застарѣлыми заблужденіями идолопоклонниковъ; особенно противъ него возстали кебуны, или жрецы идольскіе, для которыхъ идолослуженіе было выгоднымъ ремесломъ. Они готовы были растерзать новаго проповѣдника истинны, не разъ они били его жестоко, таскали за волосы и велячески надругались надъ нимъ. Но Господь хранилъ раба Своего. Послѣдователь Христовъ съ кротостію переносилъ побои и ругательства, и когда свирѣпѣла злоба, то уходилъ въ горы, а потомъ снова являлся на проповѣдь.—Но видно и въ дикарѣ есть совѣсть, есть желаніе познать истину: были между лопарями и такіе, которыхъ трогали терпѣніе и незлобіе проповѣдника, его самоотверженная любовь къ нимъ, несмотря на ихъ преслѣдованія. И вотъ, когда онъ снова являлся къ нимъ и одинъ изъ нихъ злобно кричалъ: „убьемъ его!“—другіе спокойно уже говорили: „онъ ни въ чемъ невиноватъ предъ нами, напротивъ, онъ намъ же желаетъ добра: за что же убивать его?“ И число такихъ мало-по-малу стало возрастать. Послѣ 20-лѣтней проповѣди на берегахъ рр. Печенги, Тулоны и Пазрѣки преподобный Трифонъ уже многихъ огласилъ евангельскою проповѣдью, много лопарей увѣровало въ Господа Иисуса. Но, будучи въ то время мѣрянномъ, онъ не дерзнулъ самъ приступить къ крещенію лопарей, а священниковъ тогда не было во всей этой области. Это побудило преподобнаго Трифона отправиться въ Великій Новгородъ, гдѣ онъ просилъ у архіепископа Макарія грамоту на построеніе храма, привелъ оттуда съ собою плотниковъ и самъ за три версты носилъ на плечахъ своихъ бревно на

постройку дома Божія. Работая днемъ, ночь проводилъ онъ въ молитвѣ, и между тѣмъ не переставалъ утверждать въ вѣрѣ новообращенныхъ. Храмъ этотъ, построенный во имя Св. Живоначальныя Троицы, три года оставался безъ освященія, за неимѣніемъ священника. Преподобный пошелъ въ Колу, единственное русское поселеніе, и тамъ, какъ бы по указанію свыше, встрѣтилъ іеромонаха Ілію и убѣдилъ его идти вмѣстѣ на рѣку Печенгу. Совершилось пламенное желаніе преподобнаго: церковь была освящена, обращенные имъ лопари крещены и самъ онъ, будучи истиннымъ инокомъ въ душѣ и по своей апостольской дѣятельности, принялъ иночество. Это было около 1532 года.

Принявъ иноческій образъ, преподобный Трифонъ думалъ объ устроеніи обители. По устроенію Промысла Божія въ этой пустынной странѣ стали собираться къ преподобному люди, искавшіе уединенія и отрекавшіеся отъ міра для служенія Богу. Такъ возникла на устьѣ рѣки *Печенги* обитель во имя Пресвятыя Троицы. Между тѣмъ преподобный усердно продолжалъ и проповѣдь Евангелія дикимъ лопарямъ. Бодро путешествовалъ онъ по тундрамъ и горамъ, переходя отъ шалаша къ шалашу, утопая въ болотахъ, перенося страшные сѣверные морозы, терпѣливо принимая всякое поруганіе ради Господа. Богъ благословилъ труды его: нашлись изъ лопарей такіе, которые пожелали посвятить себя на служеніе Господу, а иные стали приносить новой обители кто что могъ: жертвовали деньгами, землями, озерами и другими угодами.

Но едва образовалась монашеская община около уединенной церкви Живоначальныя Троицы на рѣкѣ Печенгѣ, какъ страшный голодъ поразилъ дальніе сѣвер-

ные предѣлы: въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ страшные морозы побивали овощи и хлѣбъ, и былъ большой недостатокъ въ хлѣбѣ. Преподобный Трифонъ выступаетъ на другую дѣятельность многотрудную, — становится питателемъ тѣхъ, которые ввѣрили ему свои души. Взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ братій, онъ съ смиреніемъ обходилъ обширную Новгородскую область, странствуя изъ города въ городъ, изъ села въ село, собирая милостыню, и все подаванія пересылалъ на пропитаніе братіи и новопросвѣщеннымъ лопарямъ. Такъ продолжалось восемь лѣтъ. Преподобный Трифонъ доходилъ даже до Москвы и тамъ подалъ царю просьбу отъ обители, когда царь съ царевичемъ Феодоромъ шелъ въ храмъ. Добрый царевичъ вышелъ изъ храма въ предѣлъ, какъ бы по случаю, снялъ съ себя верхнюю одежду и, пославъ ее Трифону, велѣлъ сказать: „царевичъ желаетъ, чтобы его милостыня предупредила царскую; пусть преподобный употребить эту одежду на облаченіе церковное“. И царь надѣлалъ Трифона какъ церковною утварью, такъ и угодами.

Возвратясь въ основанную имъ обитель, Трифонъ принесъ ей радость и миръ. Она теперь была обезпечена рыбными ловлями и угодами. Передавши обители царскую грамоту на пользованіе этими ловлями и угодами¹⁾, равно

¹⁾ Вотъ эта замѣчательная грамота отъ 1 ноября 1556 г.: «По умоленію дѣтей своихъ, царевичей Іоанна и Феодора, пожаловали мы, царскаго нашего богомольца, отъ Студенаго моря-океана, съ Мурманскаго рубежа, Пресвятыя и Живоначальныя Троицы Печенгскаго монастыря игумена Гурія съ братією, — или кто въ томъ монастырѣ игумень, или братія будетъ, вмѣсто руги и вмѣсто молебныхъ и панихидныхъ денегъ, для ихъ скудости, на пропитаніе, въ вотчину: морскими губами Матоцкою, Илицкою и Урскою, и Печенгскою, и Позренскою, и Навденскою губами въ морѣ, всякими рыбными ловлями, и морскимъ выметомъ кожи изъ моря выкинетъ кята, или моржа, или иного какого звѣря, и

какъ и собранную отъ христолюбцевъ милостыню, своему келарю, а имена благотворителей записавъ въ синодикъ для поминовенія, онъ продолжалъ трудиться какъ послѣдній послушникъ въ обители. На соборныя въ Москвѣ пожертвованія онъ построилъ для новокрещенныхъ особый храмъ во имя Свв. Бориса и Глѣба на рѣкѣ Парѣкъ¹⁾.

Смиреніе преподобнаго Трифона было такъ велико, что, испрашивая жалованную грамоту у царя, онъ не хотѣлъ даже чтобы упомянуто было его имя о созданной имъ обители,—какъ будто бы онъ не былъ ея основателемъ.

И въ глубокой старости не переставалъ онъ трудиться. Разъ купилъ онъ въ Колѣ ручные жернова и на своихъ плечахъ понесъ въ обитель за 158 верстъ. Напрасно ученики просили его не мучить себя такою ношею: „братія, сказалъ онъ, тяжелое бремя лежитъ на потомкахъ Адамовыхъ; до веселья ли имъ? Нѣтъ, Трифонъ, лучше тебѣ повѣсить камень на шею, чѣмъ соблазнять братію“.

морскимъ берегомъ, и его островами и рѣками и малыми ручейками, верховьями и топами и горными мѣстами и пожаями, лѣсами и лѣсистыми озерами и звѣриными долями и лопарями, которые лопари наши данные въ той Матюцкой и Печенгской губахъ, нынѣ суть и впредь будутъ, со всѣми угодыми луговыми и нашими, царя и великаго князя денежными оброками и со всѣми доходами и волостными кормами, чтобы тѣмъ имъ питаться и монастырь строить; а нашимъ боярамъ Новгородскимъ и Двинскимъ и Усть-кольскія волости приказнымъ, и всякимъ Приморскимъ людямъ и корельскимъ дѣтямъ, и лопарямъ и никому иному... въ ту вотчину не вступаться».

¹⁾ Храмъ этотъ, въ возобновленномъ видѣ, и донныѣ стоитъ какъ стражъ православія на границѣ Норвегіи. 23 іюля 1870 г. церковь эту посѣтилъ Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ, а затѣмъ, 23 іюня 1873 г.—король Швеціи и Норвегіи Оскаръ II; 2-го же іюля 1887 г.—наслѣдникъ Шведско-Норвежскій Густавъ-Адольфъ съ супругою своею Викторією.

Однажды медвѣдь вошелъ въ его келію, опрокинулъ квашню и началъ ѣсть тѣсто. Входитъ преподобный и говорить: „Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Богъ мой, повелѣваетъ тебѣ выйти изъ кельи и стоять смирно!“ Медвѣдь вышелъ и сталъ у ногъ преподобнаго. Угодникъ Божій наказавъ виновнаго сказалъ, чтобы впредь не смѣлъ беспокоить обители и отпустилъ его. Съ того времени медвѣди никогда никакого вреда не дѣлали ни оленямъ, ни другимъ животнымъ обители.

Въ послѣдніе годы преподобный нерѣдко удалялся въ пустыньку, гдѣ построилъ онъ храмъ въ честь и память Успенія Божіей Матери и проводилъ время въ молитвѣ. Въ этой пустынькѣ онъ завѣщалъ и похоронить его.

Подъ опытнымъ руководствомъ преподобнаго Трифона, обитель его разцвѣла, какъ разсадникъ вѣры и благочестія, какъ ярко горящій свѣтильникъ, освѣщавшій и оживлявшій весь пустынный тотъ край.

Такимъ образомъ, послѣ многихъ подвиговъ и трудовъ, въ старости маститой, проживъ въ Лапландіи—въ этой прегорчайшей пустынь—70 лѣтъ, какъ считаютъ современные мѣстные духовные писатели, преподобный Трифонъ впалъ въ тяжкую болѣзнь. Къ нему пришли игумень Гурій и братія, бывшіе его учениками, и, видя тяжкую болѣзнь его, скорбѣли о лишеніи столь добраго наставника и о своемъ сиротствѣ. „Не скорбите, братія,—говорилъ имъ преподобный,—и не пресѣкайте мнѣ добрый путь моего теченія. Возложите все упованіе ваше на Бога, ибо если Господь и Богъ мой Иисусъ меня единаго не оставилъ во всѣхъ приключившихся мнѣ бѣдствіяхъ, то колыми паче не оставитъ и васъ, соборныхъ во Имя Его Святое. Я же заповѣдаю вамъ, любите всѣмъ

сердцемъ своимъ и всею душою въ Троицѣ славимаго Бога и любите другъ друга; чада мои, честно и воздержно храните ваше иночество и чуждайтесь желанія власти. Вы знаете меня отъ многихъ лѣтъ и вы сами видѣли, что не только моему, но и вашему требованію послужили руки мои, и всѣмъ вамъ былъ я послушникъ. Молю васъ, послѣ моего исхода не скорбите, ибо таковъ удѣлъ всякаго человѣка, и если тѣло обращается въ прахъ, то душа восходитъ въ небесное отечество. Туда стремитесь, гдѣ нѣтъ смерти, гдѣ вѣчный свѣтъ и день единъ паче тысящъ, и не любите окаяннаго міра, невѣрнаго и волнуемаго, какъ море-океанъ, и пѣнящагося волнами грѣховными. Когда же разлучится душа моя отъ тѣла, заповѣдаю вамъ, погребите меня у церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ пустынь, куда часто отходилъ я на богомысліе и молчаніе“.

Сказавъ сіе, приподнялся Трифонъ на своей убогой рогозинѣ и сѣлъ, чтобы принять Пречистое Тѣло и Святую Кровь Господа Иисуса Христа; потомъ, уже изнемогая, внезапно прослезился. Игумень спросилъ его: „преподобный отче, ты намъ запрещаешь о тебѣ скорбѣть, ибо съ радостью идешь къ сладкому своему Иисусу; скажи же намъ, отчего ты прослезился?“ Святый отвѣчалъ: „Будетъ на сію обитель тяжкое искушеніе и многіе примутъ мученіе отъ острія меча; но не ослабѣвайте, братія, упованіемъ на Бога, не оставитъ Онъ жезла грѣшныхъ на жребіи своемъ, ибо силенъ, и паки обновитъ свою обитель“. Тогда онъ возлегъ опять на свою рогозину и лицо его просвѣтилось; умирающій какъ бы улыбнулся и такъ предалъ святую душу свою Господу, будучи 98 лѣтъ отъ роду, 15 декабря 1583 г. Тѣло его

святое погребено было на заповѣданномъ имъ мѣстѣ, въ пустынѣ, у церкви Успенія Богородицы, куда преподобный Трифонъ часто отходилъ на богомысліе и молчаніе.

Преп. Трифонъ ростомъ былъ не великъ, сгорбленъ, нѣсколько плѣшивъ, съ длинною сѣдою бородою.

Спустя семь лѣтъ послѣ кончины преподобнаго, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ осаждалъ Нарву. Осажденные нѣмцы на разсвѣтъ направили пушки свои на царскій шатеръ, когда царь еще спалъ. И вотъ является ему во снѣ благолѣпный старецъ въ иноческой одеждѣ и говоритъ: „встань, государь, выйди изъ шатра, иначе будешь убитъ“. „Кто ты такой?“ — „Я тотъ Трифонъ, которому ты подаль свою одежду, чтобы твоя милостыня предварила другія. Господь Богъ мой послалъ меня къ тебѣ“. Царь проснулся, и едва успѣлъ выйти изъ шатра, какъ ядро изъ города ударило прямо въ постель царскую. Благочестивый государь былъ глубоко тронутъ милостію Божіей и послалъ въ обитель Печенгскую найти блаженнаго Трифона, но получилъ отвѣтъ, что онъ уже семь лѣтъ, какъ скончался. Тогда царь оказалъ много милостей обители его.

Послѣ кончины преподобнаго Трифона, дальнѣйшая судьба основаннаго имъ Печенгскаго монастыря была очень печальна. Пророческое предсказаніе преподобнаго Трифона о „страданіи многихъ изъ братіи отъ меча“ черезъ семь лѣтъ исполнилось въ точности. Въ 1590 году, за недѣлю предъ праздникомъ Рождества Христова, толпа шведовъ сожгла храмъ Успенія Божіей Матери, гдѣ почивали мощи преподобнаго Трифона подъ спудомъ. Здѣсь же шведы замучили священно-инока Іону и инока Гер-

Кончина Преподобнаго Трифона, 15-го декабря 1583 года.

мана и потомъ скрылся въ засадѣ ¹⁾. Въ самый праздникъ Рождества Христова они ворвались въ обитель Св. Троицы и съ звѣрскою жестокостью начали умерщвлять иноковъ и послушниковъ, находившихся въ храмѣ, при Божественной литургіи ²⁾; однихъ разсѣкли пополамъ, другимъ отрубили руки и ноги, иныхъ разсѣкали вдоль. Игумена Гурія и другихъ священно-иноковъ мучили различно: кололи оружіемъ, жгли на огнѣ, допытываясь отъ нихъ о богатствахъ монастыря; но страдальцы въ молчаніи переносили все мученія, и разъяренные шведы изрубили ихъ въ куски. Ограбивши все, что могли, они предали огню храмъ и все зданія обители. Всѣхъ иноковъ погубило въ обители 51 человекъ, послушниковъ и рабочихъ 65 человекъ; остались цѣлы только тѣ, которые находились въ отсутствіи на послушаніи монастырскомъ. Возвратясь они съ честью погребли избіенныхъ.

Въ настоящее время останки страдальцевъ покоятся въ одной могилѣ возлѣ того мѣста, гдѣ былъ Троицкій храмъ и древняя обитель.

Объ этомъ кровавомъ событіи имѣются свѣдѣнія и въ Норвегіи. Нашъ русскій консулъ Д. Н. Островскій открылъ въ норвежскомъ государственномъ архивѣ старинный датскій документъ о разореніи Печенгскаго монастыря въ 1589 году ³⁾. Документъ этотъ, писанный

¹⁾ По преданію, шведы въ теченіи цѣлой недѣли не смѣли приступить къ обители, ибо имъ казалось, что на монастырской оградѣ находится множество вооруженныхъ воиновъ.

²⁾ Тоже: Разбойники вошли въ церковь въ концѣ литургіи.

³⁾ По русскимъ источникамъ это разореніе произошло въ 1590 году, а по датскому документу—1589. Разность эта объясняется тѣмъ, что въ Россіи до Петра Перваго новолѣтіе считалось съ 1 сентября, а не съ 1 января, какъ въ Западной Европѣ.

Избіеніе братіи и труженниковъ Трифоно-Печенгскаго монастыря шведами, въ 1590 году.

на старомъ норвежскомъ языкѣ, представляетъ тетрадку въ четвертую долю листа и содержитъ списокъ жертвъ разгрома, произведеннаго на сѣверѣ Россіи шведами. На четвертой страницѣ этого документа записаны имена замученной шведами братіи. Первымъ поставлено имя игумена Гурія и трехъ іеромонаховъ: Пахомія, Іосифа и Іоны. 4 и 5 страницы заняты 38 именами остальной избіенной братіи. На страницѣ 6-й начинается списокъ находившихся въ монастырѣ рабочихъ, и, вѣроятно, богомольцевъ. Записано ихъ всего 51 человекъ. Страница 7-я заканчивается слѣдующею замѣткою: „Всѣхъ ихъ шведы сожгли вмѣстѣ съ монастыремъ. Сожгли они также всѣ постройки, церковь, большую часть имущества, скотный дворъ и мельницу. Сожгли также поселокъ подъ названіемъ Викидъ, гдѣ была монастырская гавань, всѣ карбасы и лодки, а оставшіяся въ гавани суда изрубили на части. И такъ отъ монастыря не осталось ни одного строенія, кромѣ бани, стоявшей невдалекѣ, да двухъ землянокъ, находившихся на двухъ маленькихъ островкахъ, куда шведы не могли проникнуть. Вардехусъ. 7 августа 1590 г.“ По всей вѣроятности документъ этотъ представляетъ собою донесеніе, посланное изъ Вардэ тогдашнимъ губернаторомъ въ Копенгагенъ датскому дворянину N, бывшему комендантомъ замка съ 1587 по 1596 годъ. Въ 1851 году документъ этотъ былъ возвращенъ въ Норвегію, при общей передачѣ дѣлъ датскаго секретнаго архива въ норвежскій государственный архивъ.

Документъ этотъ важенъ потому, что онъ невольно вызываетъ сочувствіе къ этому священному для каждаго православнаго мѣсту. Онъ раскрываетъ полную картину кровавой драмы, разыгравшейся въ Печенгскомъ мона

стырѣ триста лѣтъ тому назадъ, и воскрешаетъ въ памяти мученическую кончину 116 страдальцевъ.

Кромѣ обширной могилы 116 мучениковъ, здѣсь находятся и остатки древностей: иноческое кладбище и обширное монастырское поле, ручные жернова, принесенные преподобнымъ Трифономъ изъ Колы, большіе мельничные жернова на берегу рѣки Княжухи, въ которой еще донинѣ виднѣются основныя бревна бывшей на ней мельницы.

Разгромъ Печенгскаго монастыря произошелъ въ царствованіе Θεодора Іоанновича, во время войны его со шведами. Услышавъ объ этомъ, благочестивый царь очень опечалился и велѣлъ, для большей безопасности перевести обитель въ Кольскій острогъ, ко храму Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Когда же сгорѣлъ городъ и монастырь, то уже при Михаилѣ Θεодоровичѣ, въ 1619 году, построена была новая обитель близъ Колы, за рѣкою того же имени, и названа новымъ Кольско-Печенгскимъ монастыремъ. Затѣмъ, по указу императора Петра I, въ 1701 г. монастырь былъ приписанъ къ архіерейскому дому; наконецъ, въ 1764 году, при императрицѣ Екатеринѣ II былъ совершенно упраздненъ и приписанъ къ Кольскому собору и тѣмъ, повидимому, прекратилъ свое существованіе.

О злодѣйскомъ убіеніи братіи среди лопарей-поморовъ существуетъ чрезвычайно интересное такое преданіе и рассказывается такъ: „дѣло было подъ Рождество; солнце ушло въ этомъ (1590) году какъ-то особенно рано и тѣмъ неба помогать и воздухъ. Мгла все время висѣла надъ землей и туманъ былъ такъ густъ, что въ пяти шагахъ не видно было огня, горящаго въ лопарской тупѣ. Злой духъ гулялъ

по покинутому Божиимъ свѣтомъ краю и наталкивалъ людей на всякія искушенія и помогаль имъ совершать злыя дѣла. У самаго моря, въ одномъ днѣ пути отъ Печенги, поставилъ свою вѣжу фильманъ (кочевой лопарь-владѣлецъ оленьяго стада), звали его Иваномъ и окрестилъ его самъ преподобный Трифонъ; только онъ крестился изъ жадности, ожидая даровъ, и не получивъ ихъ, питаль большую злобу и на преподобнаго и на самого Бога и продолжалъ жить какъ язычникъ. И Богъ видимо отъ него отступился. Въ этомъ году его оленямъ приходилось плохо, стужа сковала снѣга, олени каждый день издыхали отъ безкормицы и стадо его таяло, какъ таетъ лѣтомъ льдина на солнцѣ. Обозлился въ конецъ лопарь Иванъ и началъ думать, какъ ему наверстать убытокъ. Думаль, думаль, запрегъ кережу (сани) и отправился въ Норвегію, въ такое мѣсто, гдѣ зналъ, что живутъ зимою морскіе пираты. Онъ предложилъ пиратамъ довести ихъ до Печенгскаго монастыря, чтобы его ограбить, разбойники обрадовались: давно точили они зубы на монастырь, да боялись и не знали дороги. Ивану атаманъ обѣщаль 50 серебряныхъ шведскихъ монетъ, да еще далъ 20 впередъ; разбойники надѣли пачеки (нѣчто въ родѣ дахи), вооружились, запрягли цѣлую райду (цѣлый цугъ) кережъ, поѣхали и пріѣхали на Печенгу въ самый день Рождества. Въ монастырѣ часа за два до ихъ прибытія 51 человекъ братіи и 65 человекъ послушниковъ послѣ обѣдни сѣли за столы въ трапезной, а о. настоятель, прежде чѣмъ благословить трапезу, взялъ святую книгу и только что раскрылъ, чтобы прочесть поученіе тамъ, гдѣ у него была закладка, какъ поблѣднѣлъ, зашатался и упалъ на землю. Братія подумала, что онъ ослабъ

отъ воздержанія; одинъ подбѣжалъ поднять настоятеля и хотѣлъ читать, какъ вскричавъ, закрылъ лицо отъ страха. Всѣ поднялись и увидѣли съ ужасомъ, что тамъ, гдѣ лежала закладка настоятеля, кровавыми буквами появилось поминаніе по вновь преставившимся убиеннымъ и слѣдоваль списокъ ихъ именъ, начиная съ имени настоятеля. Поднялся плачь и смятеніе, но настоятель твердо приказаль идти всѣмъ въ церковь и тамъ вмѣстѣ съ братіей палъ предъ иконами. Въ это время подбѣхали разбойники, стали ломиться въ двери освященнаго храма и, окруживъ деревянный монастырь, подождли его со всѣхъ сторонъ. Между иноками былъ одинъ страшно сильный великанъ, бывшій воинъ; взглянувъ въ окно и увидѣвъ, что разбойниковъ не больше пятидесяти, онъ сталъ просить о. настоятеля благословить его и другихъ самыхъ молодыхъ и сильныхъ иноковъ защищать обитель, такъ какъ у нихъ-де есть и топоры, и ломы. Но настоятель сказалъ: „нѣтъ, это воля Божія, о ней предъ своей кончиной, не упоминая часа, предсказаль преподобный Трифонъ, а потому нельзя ей противиться и необходимо безпрекословно приготовиться принять вѣнецъ мученичскій“. Услыхавъ эти слова, братія смирилась и смолкла. Съ горячей молитвой пали иноки ницъ предъ алтаремъ. Въ это мгновеніе ворвались разбойники, но ни одинъ изъ монаховъ не пошевелился, не отвѣтилъ на вопросъ о монастырскихъ деньгахъ и рухляди. Разбойники озвѣрѣли, и иноки всѣ до единого приняли мученическую смерть, не поднимая головы и съ молитвою на устахъ. Перебивъ всѣхъ, разбойники бросились искать добычу, грабить утварь и монастырь, но нашли очень мало, такъ какъ монахи, будучи скромной, богобоязненной жизни, а

накопленіи благъ земныхъ не заботились. Между тѣмъ пожаръ обхватилъ всю обитель, и разбойники, боясь сгорѣть, поспѣшили выйти изъ церкви, взосли на сосѣдную скалу и стали дѣлиться, при чемъ Ивану досталась серебряная св. чаша, которую онъ, трясясь отъ жадности, спряталъ за пазуху.

Стоя на скалѣ, разбойники ожидали, чтобы загорѣлась церковь, но огонь пылалъ кругомъ, не трогая деревянной церкви. Вдругъ въ воздухъ надъ пылающимъ монастыремъ показались три бѣлоснѣжные лебеди. Разбойники стали спрашивать другъ друга въ смятеніи: „откуда эти лебеди? Теперь зима, а ихъ зимой никогда еще у насъ не бывало“. А лебеди, не отлетая отъ пожара, поднимались все выше и выше, и вдругъ разлились на небѣ въ золотой кругъ, загорѣвшійся ярче пожара. Затѣмъ изъ пламени стали вылетать одинъ за однимъ 116 бѣлыхъ какъ снѣгъ птицъ, ростомъ съ чайку, только красивѣе и бѣлѣе, подниматься вверхъ и сливаться съ золотымъ кругомъ, который разгорался и расширялся такъ, что стало глазамъ больно. „Видно, большой грѣхъ сдѣлали мы, проливъ праведную кровь“, вскричалъ испуганный атаманъ, и все вмѣстѣ съ проводникомъ въ смятеніи бросились съ горы къ своей райдѣ и погнали оленей. Долго неслись они, совсѣмъ замучивъ оленей, а на утро стали перебираться въ Норвегію. Иванъ, не довѣряясь пиратамъ, и боясь быть ограбленнымъ, ѣхалъ шаговъ пятьсотъ впереди на сильномъ оленѣ-быкѣ, а за нимъ тянулась райда съ разбойниками и добычей. Вдругъ на самомъ крутомъ мѣстѣ задній олень споткнулся и вмѣстѣ съ санями и сѣдокомъ полетѣлъ въ пропасть, потащивъ за собою все

остальные привязанные ремнями другъ за друга кережи съ ихъ сѣдоками; полные ужаса и отчаянія крики вдругъ огласили воздухъ; адскимъ хохотомъ отвѣчалъ злой духъ изъ пропасти, а ему громко и бесконечно стало вторить насмѣшливое эхо горъ. Вздогнувъ и оглянувшись ѣхавшій впереди Иванъ; видитъ все разбойники вдругъ пропали изъ вида; повернувъ онъ оленя и бросился назадъ, но у обезумѣвшаго отъ страха животного шерсть стала дыбомъ; закинувъ рога на шею и не слушаясь болѣе хозяина, бросилось оно въ сторону и какъ разъ на томъ же мѣстѣ сорвалось и полетѣло въ пропасть. Долго летѣлъ внизъ Иванъ и упалъ на что то мягкое. На небѣ горѣли всполохи (сѣверное сіяніе); при ихъ свѣтѣ увидалъ онъ, что лежитъ на кучѣ своихъ разбитыхъ и окровавленныхъ спутниковъ, а подъ нимъ шевелятся ихъ руки и ноги, поднимаются головы и молятъ о помощи; кругомъ цѣлая стая волковъ съ жадностью рветъ еще живыхъ и пьетъ ихъ кровь. Съ алчностью накинулись ближайшіе волки и на его еще живаго оленя. Иванъ съ силой отчаянія выхватилъ ножъ и поражая бросавшихся на него волковъ, въ ужасѣ кинулся стремглавъ по ущелью. Долго бѣжалъ онъ и очутился наконецъ въ тундрѣ; кругомъ лѣсъ, посрединѣ прогалина, а на ней большой высоко и широко бьющій глубоко изъ земли ключъ. Обрадовался ему Иванъ: изнывая отъ жажды, онъ вытащилъ изъ-за-пазухи серебряную монастырскую чашу, зачерпнулъ ею воды и жадно поднесъ къ губамъ, но вода оказалась теплой, красной, попробовалъ—кровь!.. Съ ужасомъ бросилъ онъ чашу въ бассейнъ ручья, а она не тонетъ, стала на водѣ стоймя и сіяетъ, какъ огненная, а внутри

кровь горитъ, какъ рубинъ. Волосы поднялись у хри-
стопродавца, глаза подбзали изо лба; хочеть перекре-
ститься — рука не двигается, виситъ какъ плеть. Но
вотъ поднялся изъ ручья водяной столбъ и осторожно
понесъ чашу къ небу; какъ солнце горбла въ воздухъ
святая чаша; кругомъ сразу сдблался свбтлый лбтнй день,
пока Самъ Господь не протянулъ десницу и ни взялъ чашу
на Свое святое лоно. Тогда опять все померкло, сразу
наступила темная ночь; съ ревомъ обрушился внизъ под-
нявшійся до неба водяной столбъ, охватилъ полумертваго
Ивана, завертблъ и втянулъ въ подземную пучину...

И теперь въ Норвергii (гдб-то) за Варангеръ-фиор-
домъ есть, говорятъ, бездонное озеро, воды коего до
сихъ поръ имбють красноватый цвбтъ. Никто—ни че-
ловбкъ, ни дикй олень не пьютъ этой красноватой
воды, а изъ середины озера поднимается большой желто-
ватый камень, имбющй форму чаши. Нбтъ въ этомъ
озерб рыбы и не живутъ на немъ птицы; оно не за-
мерзаетъ и зимой, только разъ въ годъ — на самое Рож-
дество—прилетаютъ къ нему три бблоснбжныхъ лебедя.
плаваютъ въ его водб, садятся на камень, затбмъ под-
нимаются и исчезаютъ изъ глазъ ¹⁾“.

Такова эта высоконравственная легенда. Прошли
столбтiя, она живетъ въ памяти народной, какъ жи-
ветъ и почитается имя преподобнаго Трифона, про-
свбтившаго лопарей-язычниковъ свбтомъ вбры Хри-
стовой и славой подвиговъ иночества, апостольства и
христанской благотворительности, наполнившаго и воз-
величившаго пустыню. Въ благодарныхъ сердцахъ право-
славныхъ лопарей свбтлый образъ угодника Божiя запе-

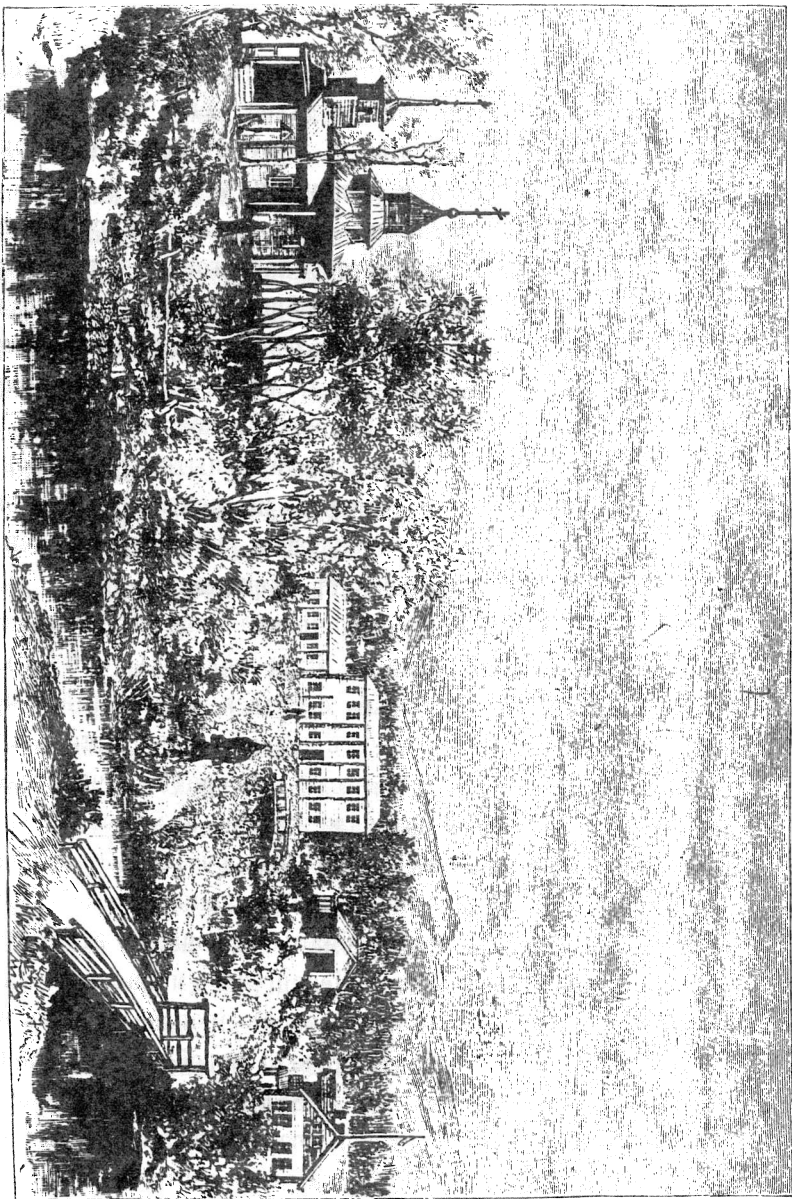
¹⁾ «По Студеному морю—побздка на Сбверь». 1895 г. Е. Львова.

чатблся неизгладимыми чертами; его именемъ во мно-
жествб нарекаютъ они своихъ дбтей, его именемъ на-
званы мбста его подвиговъ; къ нему не перестаютъ они
обращаться съ молитвами о помощи.

Благочестивый читатель этого сказанiя спросить:
что же стало теперь съ мбстомъ подвиговъ преподобнаго
Трифона?—Предсказанiе преподобнаго сбылось съ бук-
вальною точностию: *Господь не оставилъ жезла грбш-
ныхъ на жребii своемъ:—явилъ свою силу въ немощи
совершающуюся.* Обитель Печенгская возобновляется.

Въ 1824 и 1867 годахъ были попытки со стороны
Соловецкихъ иноковъ поселиться на пепелищб сгорбв-
шей обители Печенгской, у могилы 116 страдальцевъ,
но попытки эти не увбнчались успбхомъ—знать еще
не настало тогда время предопредбленное Премудрымъ
домостроительствомъ Божiимъ. Напротивъ, съ 1869 года
на пепелищб обители начали селиться выходцы изъ по-
морья и поселившись сдблались полными хозяевами мбста
древней обители. Въ 1878 году въ средб почитателей
преподобнаго Трифона возникло желанiе возобновить Три-
фоно-Печенгскй монастырь. 15 декабря 1883 г. во всей
Архангельской губернii торжественно праздновалось 300-
лбтiе со дня кончины преподобнаго Трифона; съ этого вре-
мени желанiе возобновить Печенгскй монастырь еще
болбе усилилось. Св. Синодъ, послб произведенныхъ из-
слбдованй, чтобы ускорить начало возобновленiя мона-
стыря, указомъ своимъ въ 1886 г. настоятелю Со-
ловецкой обители съ братiею, возложилъ возстановленiе
Печенгскаго монастыря на Соловецкую обитель, — „по осо-
бому къ ней довбрiю Св. Синода и полному уббжденiю
въ томъ, что Соловецкая обитель, издревле славная своими

Общій вѣкъ Трифоно-Печенгскаго монастыря въ 1889 г.

великими подвижниками и нынѣ процвѣтающая по благости Божіей и по молитвамъ препод. Зосимы и Савватія Соловецкихъ Чудотворцевъ, памятуя ихъ подвиги и труды и подражая ихъ примѣру, возможетъ подъять и привести къ благому исполненію святое дѣло устройства Печенгскаго монастыря во славу Божію и въ память преподобнаго Трифона и на пользу православнаго русскаго народа“.

Горсть Соловецкихъ иноковъ, въ числѣ 11 человекъ, движимая послушаніемъ, напутствованная молитвами и благословеніемъ родной обители, снабженная отъ нея церковными принадлежностями, книгами, инструментами и жизненными потребностями, прибыла 16 іюля 1886 г. къ мѣсту своего назначенія „въ прегорчайшую пустыню“, какъ называетъ Лапландію древній бытописатель. Труды предстояли имъ самыя тяжелыя, трудно выносимыя и трудно исполнимыя. Имъ предстояло разработать, осилить природныя и климатическія условія пустыни, пріурочить ее къ сноному въ ней обитанію.

Монастырь рѣшено было строить на мѣстѣ кончины преподобнаго, въ бывшей Успенской Пустынькѣ. Прибывшая Соловецкая братія нашла здѣсь ветхій храмъ Срѣтенія Господня, не менѣ ветхій причтовый домъ, двѣ лопарскія тупы. Новые наслѣдники, привыкшіе къ трудамъ и подвигамъ въ Соловецкой обители, малые числомъ, но крѣпкіе вѣрою, не упали духомъ и въ этой горькой пустынь. Кое-какъ пріютаь безъ всякихъ удобствъ, энергично принялись всякъ за свое дѣло: кто за очистку мѣстности для будущихъ построекъ, кто съ топоромъ пошелъ рубить въ лѣсѣ бревна, иные столярыть — стулья, столъ, кровати; іеромонахи — на служеніе въ цер-

ковъ; келарь на кухню. Въ октябрѣ того же года положили основаніе корпусу въ 10 помѣщеній для келлій. Въ іюлѣ 1887 г. вся братія уже помѣстилась на жительство въ новомъ корпусѣ. Вѣтхая деревянная Срѣтенская церковь, построенная въ 1707 году, однопрестольная, холодная, безъ печки и потолка, была поправлена на сколько возможно впереди другихъ построекъ: устроили въ ней потолоки, перестлали полы, стѣны внутри обшили тесомъ, поставили чугунную печку, вставили въ окна новыя рамы. Иконостасъ поновили, св. иконы помыли и поочистили; сѣнь надъ гробницею преподобнаго Трифона привели въ благолѣпный видъ, сдѣлали починки и съ наружной стороны храма. Храмъ этотъ могъ вмѣстить, и то съ тѣсною, до 40 человекъ.

Но только еще десять лѣтъ (16 іюля 1896 г.), какъ положено начало возобновленія обители преподобнаго Трифона, — пустыня процвѣла. Разительная великолѣпная картина видится нынѣ, пріятно поражаетъ, видя селеніе человека, его руку, клочекъ земли, политый его потомъ, украшенный его трудами, среди могучей дикой природы.

Построенъ большой вмѣстительный новый деревянный трехпрестольный храмъ ¹⁾, заботливо внутри украшенный, и изобильно снабженный утварію и ризницею; открыта церковно-приходская школа, въ которой обучаются до 20 мальчиковъ, которая и содержится средствами монастыря, заведены ремесла: столярное, рѣзное, позолотное, слесарное, сѣтное (вязаніе рыболовныхъ сѣтей), плотничное, — какъ бы въ давно существующей обители; возведено 19 жилыхъ и 16 нежилыхъ построекъ; заведено обширное хозяйство; расчищены сѣнокосы, на которыхъ снимается до 5000 пу-

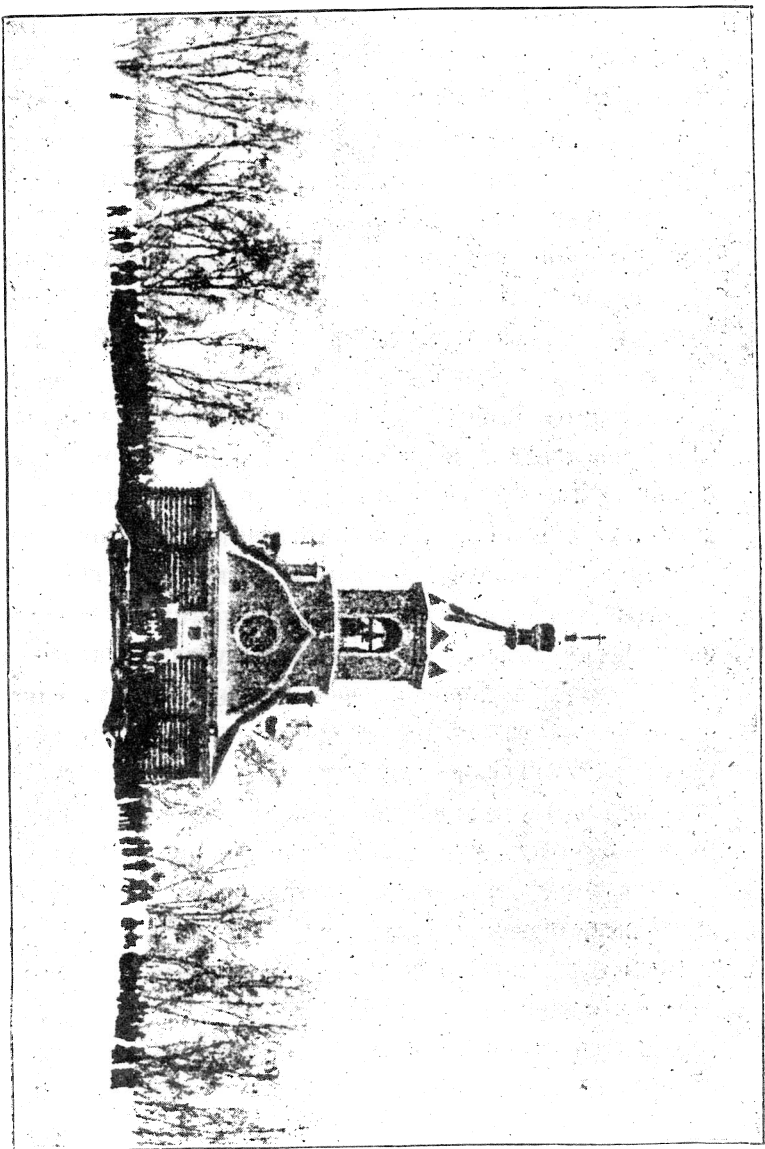
¹⁾ Во имя преп. Зосимы и Савватія, Срѣтевія Господня и Успевія Божіей Матери.

довъ сѣна; разведено огородничество; проведена къ морю хорошая дорога на протяженіи 25 верстъ; мѣста болотистыя осушили, уравнили. Ежедневно совершается богослуженіе по уставу и чину обители Соловецкой. За литургіею прилагаются эктеніи — одна о здравіи всѣхъ благотворителей обители, другая о упокоеніи всѣхъ усопшихъ, записанныхъ въ синодикъ обители. При этомъ вмѣняется въ обязанность чередному іеромонаху съ іеродіакономъ являться въ церковь за часъ до начала литургіи, чтобы во время проскомидіи вспомнить въ молитвѣ по синодику поименно какъ о здравіи, такъ и о упокоеніи имена всѣхъ благотворителей. Затѣмъ, ежедневно предъ ракою преподобнаго совершаются молебны о здравіи и панихиды о упокоеніи душъ умершихъ благотворителей. Кромѣ того введено, по обычаю Соловецкаго монастыря, неусыпное чтеніе псалтири съ молитвою о благотворителяхъ обители. Для служенія духовнымъ нуждамъ русскаго православнаго люда на Мурманскомъ берегу, посылаются туда ежегодно изъ монастыря іеромонахъ съ двумя послушниками, и оставаясь тамъ съ весны до осени, совершаетъ богослуженія въ церкви становища Цыпъ-Наволоки (въ 80 в. отъ обители) и въ часовнѣ становища Вайда-Губы (въ 60 в.) и исполняетъ другія христіанскія требы.

При этихъ трудахъ и молитвенныхъ подвигахъ инокамъ возсозидаемой Печенгской обители предлежитъ продолжить и въпросвѣтительныя труды преподобнаго Трифона на нашей сѣверной окраинѣ. Она должна стать оплотомъ православія противъ возможнаго вторженія на русскую почву иновѣрныхъ ученій съ запада со стороны Норвежской границы. На Сѣверѣ, по всему взморью, являющіеся туда каждый годъ, вмѣстѣ съ православными хо-

злевами и рабочими послѣдователи разныхъ лжеученій и сектъ, вызываютъ нужду въ особливой пастырской бдительности и неуспынныхъ попеченіяхъ объ огражденіи стада Христова отъ волковъ-хищниковъ. Постоянная нужда ощущается тамъ и въ священнослужителяхъ для совершенія церковныхъ богослуженій и христіанскихъ требъ, особенно же для напутствованія больныхъ и крещенія младенцевъ.

Обитель пр. Трифона окажетъ, и уже оказываетъ свое благотворное вліяніе на обитателей пространныхъ пустынь дальняго Сѣвера—кочевыхъ лопарей; она будетъ для нихъ тѣмъ же сіяющимъ свѣточемъ, коимъ была при жизни пр. Трифона, въ святость котораго они твердо вѣрятъ. И теперь они, какъ и жители колоній и граждане гор. Колы, часто и усердно посѣщаютъ обитель. Особенно же въ дни празднованія памяти препод. Трифона, ихъ собирается до 500 человѣкъ и живутъ въ ней по три дня. Неотразимо благотворно дѣйствуетъ на этихъ обитателей тундръ, дѣтей природы, впечатлительныхъ по натурѣ, когда они, входя во храмъ, видятъ его благолѣпно украшеннымъ, видятъ горящіе свѣтильники, соборъ священнослужителей въ блестящихъ облаченіяхъ, стройное пѣніе, отчетливое чтеніе — все это запечатлѣваетъ въ ихъ сердцахъ неизреченную радость и оставляетъ въ ихъ памяти добрыя воспоминанія на долгое время. Ласковый пріемъ братією лопарей-богомольцевъ, удобное помѣщеніе, сытный тридневный столъ, раздача картинокъ — изображеній обители, крестиковъ и иконъ и брошюръ влечетъ ихъ къ обители. Они большіе любители рассказывать своему семейству или сосѣдямъ все любопытное, видѣнное ими. Но что всего дороже — согрѣтые въ сердцахъ они уносятъ твердую глу-

Видъ новаго храма въ возобновляемомъ Трифоновъ-Печенгскомъ монастырѣ,
во время крестнаго хода, 1 февраля 1896 г.

Съ фотографіи антоніи Ф. Крайса.

бокую вѣру, при сознаніи, что они чада единой великой святой Православной церкви, что и они сыны великой могучей Россіи.

На мѣстѣ древней обители, у могилы 116 страдальцевъ, положено основаніе храму, а поселившіеся тамъ колонисты переносятся средствами монастыря на другое мѣсто. Здѣсь же предположено и уже Св. Синодомъ разрѣшено строить монастырь¹⁾, а на мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ теперь, будетъ скитъ. Такимъ образомъ инокамъ обители предстоитъ новое поле труда, а благотворителямъ широкое поле благотворительности.

Число постоянныхъ насельниковъ обители достигаетъ нынѣ до 120 человѣкъ.

Очевидно отсюда, что и нынѣ, какъ и прежде, во все вѣка, начиная съ насажденія православной вѣры на св. Руси, пустыня съ неудержимою силою влечетъ къ себѣ благочестивыя души, ищущія спасенія и равноангельскаго житія. И недивно: человѣку, удрученному житейскими скорбями и невзгодами, уловляемому сѣтью мірскихъ соблазновъ и искушеній, волнуемому грѣховными помыслами, вожделѣніями и страстями, какъ и слабому и скорбному духомъ грѣшнику, желающему обрѣсти миръ съ собственною совѣстью и милость отъ небеснаго судіи и мздовоздателя, пустыня—тихая, желанная пристань, куда удаляются люди, по выраженію псалмопѣвца, *въ чалнѣи Бога, спасающаго отъ малодушія и отъ бури* (Псал. 54, 8, 9). Нельзя указать болѣе пригоднаго мѣста для монашескихъ подвиговъ покаянія и поста, терпѣнія и самоотверженія и въ то же время для развитія и укрѣпленія въ себѣ дара молитвы,

¹⁾ Въ 16 верстахъ отъ мѣста гдѣ стоитъ теперь, ближе къ морю.

возвышающейся до пламеннаго рвенія неумолчно славить Бога во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ, и въ молитвахъ и славословіяхъ почерпать для себя утѣшеніе и мирное, свѣтлорадостное настроеніе духа и обновленныя силы для благочестивой жизни. Послѣ всего сказаннаго понятны становятся слова глубоко поучительной церковной пѣсни: „пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ“ (Октоихъ, степенна, антифонъ 1 гласа). Вотъ почему древніе отцы и между ними преподобный Трифонъ избирали для своихъ иноческихъ трудовъ и для устроенія иноческихъ обителей мѣста уединенныя, удаленныя отъ суеты и тревоженій міра. Вотъ почему преимущественно пустынные монастыри прославились и славятся и строго иноческою жизнію, и умиляющимъ духъ стройнымъ, благолѣпнымъ церковнымъ чиномъ и служеніемъ, многими и долгими молитвами за живущихъ и умершихъ. Таковы монастыри св. горы Аѳонской и у насъ въ Россіи Валаамскій, Соловецкій и другіе.

Заканчивая сказаніе, заключимъ его словами агаѳиста преподобному Трифону: *„радуйся, родителей честныхъ чадо, отъ Бога зело возлюбленное, радуйся, званъ бывъ свыше, къ океану морю преселивыйся, радуйся предложивый тамо народу Лопску огонь любви Божіа, хладъ и мракъ души разгоняющъ. Обитель бо твоя, аще по словеси твоему отъ свеєвъ разорися, обаче страданіемъ братій прославльшися, паки возставися. Аще и вторичею опустъ, силою же лучшешю обновися. Радуйся, Трифоне, страны стверныя просвѣтителю, Печенгскій чудотворче!“*

Братія обители преподобн. Трифона, вознося горячія молитвы о благодетеляхъ, шлетъ всѣмъ имъ свою глубокую благодарность за посильныя пожертвованія на дѣло возобновленія древней обители.

Не оскудѣла на Святой Руси и, надѣмся, никогда не оскудѣетъ благоговѣйная и щедродательная любовь къ святымъ храмамъ и обителямъ. Съ сердечною отзывчивостію и радостію всегда внимали добрыя русскія души призыву принять участіе въ созиданіи и украшеніи св. храмовъ и св. обителей. Живыми свидѣтелями и вѣковѣчными памятниками тому всегда были и будутъ во множествѣ воздвигнутые и поддерживаемые ихъ щедростію по всему лицу земли русской св. храмы и обители, сіяющіе богатствомъ и великолѣпіемъ.

Упомянувъ въ сказаніи, что еще при жизни преп. Трифону дана была власть надъ звѣрями, какъ нѣкогда Адаму, ради преподобія его и чистоты и какъ послѣ блаженной его кончины чудеснымъ явленіемъ благочестивому царю Θεодору Іоанновичу спасъ жизнь, для назиданія здѣсь сообщимъ нѣкоторыя изъ послѣдующихъ затѣмъ записанныхъ чудесъ. Притекавшіе къ нему съ вѣрою получали исцѣленія надъ его гробницею, и скорый онъ являлся помощникъ призывающимъ его на сушѣ и на водахъ.

Послѣ перенесенія обители въ Колу, сохранился въ ней такой уставъ, что если случится кому-либо изъ іеромонаховъ ѣхать на монастырское послушаніе мимо пустыни, гдѣ былъ преподобный, то непременно останавливаться и пѣть надъ гробомъ его панихиды. Случи-

лось одному изъ іеромонаховъ, по имени Іонѣ, проѣзжать мимо; пренебрегши священный уставъ своей обители, остановился онъ тамъ безъ всякаго благоговѣнія и даже осмѣлился сѣсть на гробъ старца Іоны, мученически убіеннаго шведами въ сей пустынь. Собрался инокъ въ обратный путь, но едва только отѣхалъ нѣсколько поприщъ, какъ вся половина тѣла его, начиная отъ головы, была поражена параличемъ. Тогда почувствовалъ свое согрѣшеніе и, исповѣдавъ его предъ всею братією, пламенно началъ молиться преподобному объ отпущеніи грѣха сего. Три дня страдалъ онъ въ тяжелой болѣзни, на четвертую же ночь явились ему два свѣтолѣпныхъ мужа: одинъ въ одеждѣ иноческой, другой въ фелони пресвитерской. Ужаснулся болящій и ни слова не могъ произнести; но тотъ изъ старцевъ, который былъ въ фелони, обратившись къ облеченному въ иноческое одѣяніе, говорилъ ему: „начальниче и отче мой, святой Трифоне! коснись больному да будетъ здоровъ“. Преподобный отвѣчалъ: „ты почтенъ пресвитерскою честію, отче Іона, и на твоей гробницѣ сидѣлъ болящій; тебѣ подобаетъ его исцѣлить“. Но Іона отрекался, говоря: „нѣтъ, отче, ты первоначальникъ въ странѣ сей и мой учитель, я же только рабъ твой и ученикъ“. Трифонъ сказалъ ему: „если меня называешь учителемъ, должно тебѣ исполнить мое повелѣніе“. Тогда носящій фелонь крестообразно коснулся рукою пораженныхъ частей болящаго и сказалъ: „во имя Святыя Троицы, молитвами преподобнаго Трифона, будь здоровъ и не преступай предѣловъ, положенныхъ прежними отцами“. Больной, проснувшись, почувствовалъ себя здоровымъ и увидѣлъ только лучъ свѣта, послѣдовавшій за отходящими Святыми. Быстро воспрянулъ онъ

отъ сна, чтобы бѣжать во слѣдъ ихъ, но не могъ достигнуть небесныхъ пришельцевъ. Братія, видѣвшая нечаянное и скорое его исцѣленіе, прославила Бога и святаго Его угодника.

О преподобномъ Іонѣ, явившемся вмѣстѣ со старцемъ Трифономъ, сохранилось преданіе что онъ былъ священникомъ въ соборной церкви Святителя Николая, въ городѣ Колѣ, и въ мірѣ назывался Іоанномъ; болѣзнь любимаго младенца внушила ему отреченіе отъ міра; онъ удалился въ обитель святаго Трифона, сдѣлался его ученикомъ и такую питалъ къ нему вѣру, что и послѣ его преставленія водворился у пустынной церкви Успенія, чтобы ежедневно совершать литургію за упокой усопшаго. Тутъ былъ онъ замученъ шведами и положенъ близъ праведнаго своего учителя, и многія были знаменія на его гробѣ. Первое знаменіе было надъ кровоточивою женщиною, которая отважилась сѣсть на его гробницу; далеко отринута была она невидимою силою, не только она, но и близъ стоявшій олень, на которомъ пріѣхала; съ тѣхъ поръ окрестные жители начали благоговѣть къ мѣсту сему и устроили часовню надъ гробомъ преподобнаго Іоны, куда приходили молиться съ благоговѣніемъ, ибо часто являлись для исцѣленій, неразлучные при жизни и по смерти, оба преподобные Трифонъ и Іона.

Въ Колѣ сынъ стрѣльца Пастухова, по имени Игнатій, три года страдалъ болѣзнію, отъ которой разслабло тѣло его, и самъ онъ оглохъ. Огорченные родители, отчаявшись въ его жизни, вспомнили благовѣстника Христова и врача душевнаго и тѣлеснаго, преподобнаго Трифона: они дали обѣтъ ѣхать съ болящимъ отрокомъ своимъ въ бывшую его обитель и потрудиться для него

цѣлый годъ. Помолившись съ вѣрою надъ его гробомъ, ѣхали они обратно, когда внезапно на пути сталъ слышать ихъ отрокъ и совершенно окрѣпъ тѣломъ. Благодарные родители исполнили данное ими обѣщаніе, и вмѣстѣ съ исцѣленнымъ цѣлый годъ работали въ монастырѣ.

Монахъ Печенгской обители, Іоасафъ, ослѣпъ отъ тяжелой головной боли и, сильно страдая, помолился съ вѣрою сердечною преподобному. Ночью явился ему свѣтолѣпный инокъ, назвалъ себя Трифономъ, начальникомъ сего монастыря, и прикоснувшись къ ослѣпшимъ очамъ, сказалъ: „во имя Святыя Троицы, будь здоровъ и прозри, но держи монашество по обѣту“. Воспрянувъ инокъ и радостно восклицалъ: „исцѣлился я и прозрѣлъ явленіемъ преподобнаго отца нашего Трифона!“ На голосъ его стеклись иноки и міряне, изумленные чудомъ.

Изъ той же новой обители послана была на рыбный промыселъ на рѣку Печенгу ладья, съ приказнымъ монахомъ Веніаминомъ. На великомъ морѣ возсталъ сильная буря и унесла ее въ пучину; волны безпрестанно покрывали ее, а вѣтеръ гналъ къ неприступнымъ берегамъ и опять отторгалъ въ море. Всѣ бывшіе въ ладьѣ отчаялись въ своемъ спасеніи, но инокъ Веніаминъ укрѣплялъ духъ ихъ, увѣщевая не малодушествовать, а уповать на Святую Троицу и на святаго отца Трифона. По многому томленію, бурю принесло ладью въ устье рѣки Ворьемы и начала она разбиваться на мели. Ужаснулись гребцы; монахъ же Веніаминъ опять утѣшалъ отчаянныхъ, обѣщая имъ скорѣе спасеніе Божіе. Не послушали его, однако, малодушные, и, спустивъ малый карбасъ, бросили ладью и поплыли къ берегу; но монахъ Веніаминъ и съ

нимъ одинъ служитель остался въ ладѣ, громко зывая: „Пресвятая Троице, помоги намъ! Мы обѣщались на сей ладѣ, при казнь и запасахъ монастырскихъ, умереть!“ Въ это время явился на морѣ благообразный инокъ, всѣмъ знакомый по сходству съ ликомъ преподобнаго Трифона; приблизившись къ ладѣ, разбиваемой волнами, онъ оградилъ ее крестнымъ знаменіемъ и сталъ невидимъ. Внезапно перестала буря и утихли волны, и въ доброе пристанище рѣки Печенги пристала спасенная ладья.

Въ другой разъ плыли, въ глухую осень, по Бѣлому морю, нѣсколько ладій со стрѣлецкимъ хлѣбомъ и купецкими людьми, изъ устья Двины въ Колу, и былъ между ними монахъ Печенгскій Аркадій, съ монастырскимъ запасомъ на одной кольской ладѣ. Въ урочищѣ семи острововъ поднялся страшный вѣтеръ, и волны, какъ горы, принесли ладью къ каменистому берегу и обливали ее; хотѣли бросить якорь, но не могли; отчаянные гребцы въ маломъ карбасѣ причалили къ берегу, хладные и гладные, зывая только: „Господи помилуй!“ Имъ казалось уже, что ладья ихъ погрузилась въ море, но внезапно увидѣли на ней ветхаго днями инока, помогающаго желѣзною цѣпью влачить ладью и вокругъ утишающаго море. Утихла непогода — и люди могли съ берега свободно приблизиться къ ладѣ, о которой уже отчаялись. Приплывши въ городъ Колу, возвѣстили они бывшее заступленіе Трифона.

Житель города Колы Иларіонъ, проткнувшій себя на ловлѣ, рыболовною удою, вѣжды ока, впалъ въ тяжкую болѣзнь и лицо его опухло, такъ что не видно было самаго глаза. Уже онъ отчаялся въ жизни и дружина

его повезла на лодкѣ въ городъ. Когда плыли они въ Кольскую губу, страждущій съ воплями началъ призывать преподобнаго Трифона, обѣщая потрудиться въ его обители до самой кончины. Умолкъ онъ на краткое время и потомъ началъ говорить своей дружинѣ, что видѣть изъ города идущее судно, на которомъ едутъ свѣтоносные инокъ. Дружина запрещала ему говорить, не видя никакого судна въ морѣ, но онъ внезапно воскликнулъ: „прозрѣлъ я и вижу“, и рассказалъ, какъ одинъ изъ бывшихъ въ суднѣ свѣтлыхъ инокъ, приблизившись, прикоснулся воскрилемъ своей одежды къ больному оку, и тѣмъ возвратило зрѣніе. Ицѣланный до конца своей жизни трудился на Крестовой тонѣ въ обители преподобнаго.

Иерей Кольскаго собора, мужъ духовный, по имени Алексій, пришелъ ночью до утрени въ трапезу Ново-Печенгской обители, и въ ожиданіи божественной службы нѣсколько задремалъ; ему предсталъ въ сонномъ видѣніи преподобный Трифонъ и сказалъ: „преусывай и готовься, ибо въ скоромъ времени переселишься въ вѣчные кривы“. Иерей, проснувшись, рассказалъ нѣсколькимъ духовнымъ старцамъ о своемъ видѣніи и, по бывшему ему предсказанію, векорѣ впалъ въ болѣзнь; полгода болѣлъ онъ и, облекшись въ схиму, предалъ душу Господу въ добромъ неповѣданіи. Другому старцу, Юасафу, который перешелъ по обѣту изъ обители Кандалаганской въ Старо-Печенгскую лавру и, потрудившись завѣщанное время, впалъ въ искушеніе пьянства, предсталъ съ грознымъ видомъ преподобный, укоряя его за то, что нарушаетъ иноческіе обѣты. Явившійся какъ бы наложилъ на него тяжкія оковы, которыя чувствовалъ

невидимо на себѣ въ теченіе семи дней, доколѣ, раскаявшись, не былъ разрѣшенъ тѣмъ же чуднымъ старцемъ.

Игуменъ Іоаннъ, искушенный властолюбіемъ, поѣхалъ изъ Ново-Печенгской обители въ Москву бить челомъ о нуждахъ монастырскихъ и солгалъ святѣйшему Никону патріарху, будто бы братія Печенгская желаетъ быть приписана къ Крестному монастырю, основанному на Бѣломъ морѣ самимъ патріархомъ. Повѣрилъ ему святѣйшій Никонъ и послалъ настоятелемъ въ Крестный монастырь. Недостойный игуменъ пріѣхалъ оттуда въ Печенгскую обитель, взялъ изъ нея всѣ окладныя иконы, церковную утварь и казну монастырскую и часть отослалъ въ Крестный монастырь, а часть себѣ присвоилъ; онъ даже дерзнулъ копать надъ гробомъ преподобнаго Трифона, вѣроятно, чтобы открыть святаго его мощи, но былъ пораженъ невидимою силою, и со страхомъ и великимъ стыдомъ бѣжалъ въ Крестный монастырь; тамъ вскорѣ впалъ въ жестокую болѣзнь и скончался.

Много иныхъ чудесъ и исцѣленій отъ гроба преподобнаго совершалось, заключаетъ писатель житія его, и нынѣ неоскудно подаются приходящимъ съ вѣрою, благодатію Пресвятыя Троицы и заступленіемъ пречестныя Богоматери и преподобнаго Трифона, котораго и мы молимъ, чтобы нашимъ болѣзнями, тѣлеснымъ и душевнымъ, испросилъ разрѣшеніе теплымъ своимъ предстательствомъ у Христа Бога.

Память преподобнаго Трифона празднуется 15 декабря и 1 февраля.